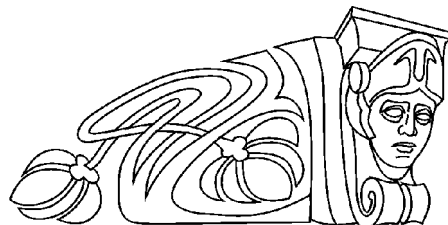

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 12–17
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 12–17
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-12-17>, EDN: EESHRL

Научная статья
УДК [355.48:355.311:355.404.52] 1915/1917|

Контрразведка штаба 12-й армии в Первой мировой войне (1915–1917 годы)

В. О. Зверев

Омская академия МВД России, Россия, 644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7

Зверев Вадим Олегович, доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел, zverevoma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5179-8599>, AuthorID: 695697

Аннотация. Рассматривается малоизвестная история контрразведывательного отделения штаба 12-й армии сквозь призму деятельности двух инструментов противодействия шпионажу – филерского отряда и секретных сотрудников. С опорой на введенные в научный оборот неизвестные архивные документы (переписка контрразведки с жандармскими управлениями, приказы по 12-й армии, сведения на лиц, заподозренных в военном шпионаже, рапорты о задержании шпионов, списки агентов и др.) делается вывод о неудовлетворительных итогах работы армейской контрразведки. Ее наблюдательные агенты (филеры) показали свою профессиональную непригодность. Главным образом это выражалось в отсутствии достаточных юридических и специальных познаний, практического опыта. В редких случаях задержания государственных преступников (германские, реже австрийские, агенты, они же предатели Родины) с участием филеров завершались дознанием или расследованием с последующей судебной перспективой. Вторая категория – секретные сотрудники – также демонстрировали низкий результат своей деятельности. Да и можно ли было надеяться на успех, если ее организация имела слабые основания. Практически весь руководящий состав контрразведки 12-й армии (за исключением ее начальника) был представлен полицейскими, которые не владели организационно-тактическими приемами и методами выявления шпионов. В силу своих должностных обязанностей полицейские чины занимались лишь постановкой их розыска (розыском уже установленных лиц). И поэтому основная масса шпионов задерживалась случайно и, как правило, на передней линии обороны 12-й армии, благодаря бдительности и наблюдательности ее военнослужащих.

Ключевые слова: контрразведка, штаб 12-й армии, шпионаж, агенты, секретные сотрудники, германская разведка, нижние чины, фронт

Для цитирования: Зверев В. О. Контрразведка штаба 12-й армии в Первой мировой войне (1915–1917 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 12–17. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-12-17>, EDN: EESHRL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Counterintelligence of the headquarters of the 12th Army in the First World War (1915–1917)

V. O. Zverev

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7 Komarova St., Omsk 644092, Russia

Vadim O. Zverev, zverevoma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5179-8599>, AuthorID: 695697

Abstract. The little-known history of the counterintelligence department of the 12th Army headquarters is examined through the prism of the activities of two tools for countering espionage – the spy squad and secret employees. Based on unfamiliar archival documents introduced into scientific circulation (counterintelligence correspondence with gendarmerie departments, orders for the 12th Army, information on persons suspected of military espionage, reports on the detention of spies, lists of agents, etc.), a conclusion is made about unsatisfactory results of the work of army counterintelligence. Observant agents and secret employees showed their professional unsuitability in the fight against enemy agents. There was not enough legal and special knowledge and practical experience. In rare cases, the detention of a state criminal (German/Austrian agent or traitor to the Motherland) ended with an inquiry or investigation, followed by legal proceedings. The skillful leadership principle – the organization of tactics and the strategy for identifying the military-criminal element – is also not visible. The bulk of the spies were detained by chance and, as a rule, on the front line of defense of the Russian army, thanks to the vigilance and observation of its military personnel.
Keywords: counterintelligence, headquarters of the 12th Army, espionage, agents, secret employees, German intelligence, lower ranks, front

For citation: Zverev V. O. Counterintelligence of the headquarters of the 12th Army in the First World War (1915–1917). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 12–17 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-12-17>, EDN: EESHRL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На сегодняшний день фронтовая история контрразведывательных отделений (далее – КРО) русской императорской армии периода Первой мировой войны незаслуженно забыта. Между тем, десятки военно-окружных, фронтовых, армейских, корпусных, крепостных и иных органов военной контрразведки вносили свою посильную лепту в борьбу с вражескими спецслужбами. Наглядным тому подтверждением являются многочисленные задержания шпионов, нашедшие свое отражение в сотнях единиц хранения (или свыше тысячи документов), собранных в фондах Российского государственного военно-исторического архива.

Используя возможности этого архивохранилища и редких литературных источников по теме статьи, ее автор предпринял попытку воссоздать и проанализировать отдельные эпизоды организации и деятельности КРО штаба 12-й армии. В фокусе пристального внимания оказались вопросы кадрового обеспечения, результаты усилий филерского отряда по выявлению государственных преступников. Приведенные статистические данные о числе задержанных шпионов в районах 1, 2, 5 и 10-й армий Северо-Западного фронта¹ помогли сформировать объективное представление о степени успешности контрразведчиков 12-й армии. Отдельной строкой была выделена работа нижних чинов названных полевых армий по инициативному задержанию подозрительных лиц на линии боевого соприкосновения с германскими частями. Наконец, в статье отмечен и вклад секретных сотрудников в дело противодействия на «невидимом фронте» Первой мировой войны.

Итак, после завершения формирования 9 января 1915 г. в штатном расписании Северо-Западного фронта 12-й армии при разведотделе ее штаба (г. Рига) было создано КРО. Его первоначальный состав и кадровое ядро были представлены начальником отделения подполковником Отдельного корпуса жандармов Б. В. Фоком, переводчиком капитаном В. В. Ленчевским, чиновником для поручений П. П. Богдановым и прикомандированными: белостокским полицеймейстером подполковником П. А. Фуллоном, пружанским уездным исправником подполковником Генерального штаба в отставке Н. Е. Андреяновым, помощником сокольского уездного исправника коллежским асессором В. С. Окромешко, помощником кобринского уездного исправника Н. С. Турлаем, а также двумя приставами – А. Г. Криднером и А. М. Ушеренко [1, л. 24]. Как видно, большинство подчиненных Фока

до войны были заняты на руководящих должностях в правоохранительной сфере и, с высокой долей вероятности, занимались профилактикой, предупреждением и раскрытием административных правонарушений, уголовных и военно-шпионских преступлений. Поэтому вряд ли полицейские чиновники, являясь специалистами по оперативно-розыскной работе, в том числе розыску шпионов или предателей Родины (завербованные агенты иностранных разведок), могли иметь даже общее представление об организации агентурной деятельности по их выявлению.

Также при КРО был укомплектован филерский отряд (штатная численность – 4 старших и 40 младших агентов). В него вошли бывшие маляры, лакеи, учителя, артисты, купцы, сестры милосердия, конторщики, торговцы, приказчики и др. [1, л. 276–277]. С одной стороны, принадлежность к большинству из этих профессий и родов деятельности предполагала наличие у людей как минимум начального образовательного ценза. А значит, нельзя назвать справедливой характеристику, данную, например, В. Б. Жилинским: «Филер – это человек малоразвитый, сплошь и рядом почти безграмотный, с трудом умеющий писать...» [2, с. 10]. Столь тенденциозный вывод явно не соответствовал действительности. И в этом мы убедились, работая в исторических архивах с многочисленными «Сведениями» филеров петербургского и варшавского охранных отделений, омского жандармского управления (1910–1916 гг.). Письменные отчеты наблюдателей отличались не только высокой грамотностью, но и эстетикой почерка, а также логической стройностью предложений и порой наличием в них глубоких смыслов (например, прогнозирование возможных действий объекта слежки). С другой же стороны, от общего числа филерского отряда только десять человек ранее проходили полицейскую или жандармскую службу, но с азами филерского дела никто из них не был знаком. Данный факт указывает на отсутствие строгой избирательности в подборе агентов наружного наблюдения или же на «кадровый голод» (все военнообязанные и годные к службе мужчины подлежали призыву в вооруженные силы). Кроме того, сказанное является косвенным доказательством потенциально низкой результативности работы агентов и, прежде всего, в Риге (в первые месяцы функционирования филерского отряда).

В этом «центре шпионажа» даже названные десять агентов были не в состоянии охватить многочисленные объекты слежения – секретноносителей (штабных офицеров и командиров воинских

частей, в том числе фронтовиков, пребывающих на лечении в госпиталях, военнослужащих-отпускников (командировочных)); проституток и их возможные конспиративные связи в притонах разврата или домах терпимости; иностранцев (подданных союзных и нейтральных держав) и подозревавшихся в шпионаже лиц. Ведь круглосуточное и квалифицированное наблюдение за каждым из них порой предполагало усилия даже не одного, а слаженные действия двух и более филеров. Наконец, малочисленность филерского отряда и сосредоточенность его основных сил (40 сотрудников) в одной лишь Риге свидетельствует о пробелах контрразведывательного наблюдения в других местностях Лифляндской губернии.

Однако, для того чтобы дать взвешенную оценку уровню кадрового ресурса КРО 12-й армии и, прежде всего, филерам или агентам наружного наблюдения, изучим данные таблицы «Сводка полученных в районе армий Северо-Западного фронта сведений о лицах, заподозренных в государственной измене и военном шпионстве с 1 января по 1 мая 1915 г.» (далее – Сводка). Согласно им, только в первые четыре месяца 1915 г. на участке фронта 12-й армии было задержано 44 человека, подозревавшихся в шпионаже [3, л. 41–45]. Из них: по указаниям агентов наружного наблюдения КРО – 34 (большая часть уроженцы Ломжинской губернии), при участии секретной агентуры КРО – 5 и воинскими чинами – 5 [3, л. 41–45].

Насколько заметным был вклад филеров в дело контрразведки? Отвечая на этот вопрос, обратим свой взор на аналогичную статистику, но по лицам, заподозренным в государственной измене и военном шпионаже, на примере других армий Северо-Западного фронта. Как явствует из таблицы, агенты наружного на-

блюдения КРО штабов 2-й и особенно 1-й, 5-й и 10-й армий продемонстрировали очень слабый результат. И на этом фоне профессиональный успех филеров 12-й армии, как может показаться на первый взгляд, выглядел весьма убедительно. Ведь многие подозреваемые лица (34 из 44-х) были выявлены именно в процессе слежки. Но при внимательном прочтении Сводки выяснилось, что польза от филеров в задержании реальных шпионов была несущественной. Так, из 34-х подозреваемых основания для взятия под арест и возбуждения дознаний по ст. 23 «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» от 18 июня 1892 г. имелись только в отношении одиннадцати человек. А вот реальное судебное или же уголовно-процессуальное решение было принято лишь по Э. Эллянду (казнен военно-полевым судом), В. Розенбауму (привлечен к уголовной ответственности по признакам ст. 108 /военный шпионаж/ Уголовного уложения 1903 г.) и Х. Вишняк (дознание по ней было прекращено) [3, л. 42, 44]. Применительно же к другим 23-м арестантам дознание, как следует из Сводки, не проводилось.

Таким образом, подытоживая розыскные усилия агентов наружного наблюдения КРО штаба 12-й армии за январь–апрель 1915 г. можно утверждать, что они показали свою низкую квалифицированность. Из 34-х выявленных и задержанных за шпионаж лиц, в действительности военными преступниками оказались всего-то два человека (первый из них был повешен, второй привлечен к следствию). И хотя эта цифра превышала суммарный показатель по итогам контрразведывательной деятельности 1, 2, 5 и 10-й армий Северо-Западного фронта – только одного человека, подозреваемого в шпионаже, выслали по решению окружного суда «из района военных действий» – она была мала. Филеры не могли га-

Лица, задержанные по подозрению в военном шпионаже

Всего задержано	Источник сведений			Задержано на передовых позициях
	Филеры контрразведки	Секретная агентура контрразведки	Другие ²	
В расположении 1-й армии				
40	2	4	2	32
В расположении 2-й армии				
132	14	86	32	0
В расположении 5-й армии				
30	1	9	1	19
В расположении 10-й армии				
79	1	50	4	24
В расположении 12-й армии				
44	34	5	0	5

Сост. по: [3, л. 11–45].

рантировать безопасность 12-й армии, которой, как, впрочем, и другим названным высшим войсковым объединениям, угрожали 25 немецких и 5 австрийских разведшкол с приблизительным числом курсантов-выпускников 300–900 человек (в период с января 1915 по сентябрь 1916 гг.) [4, с. 29, 33]. Остается только догадываться, сколько вражеских агентов обхитрили филеров КРО и смогли все же проникнуть в расположение 12-й армии и ее тылы.

Помимо сказанного, и это читается на страницах Сводки, филеры контрразведки не сумели добыть и предоставить органам дознания и предварительного следствия убедительные, в том числе недостающие улики (вещественные доказательства) противоправной деятельности задержанных подозрительных лиц. Хотя, как отмечено в том же первоисточнике (столбец «Краткое содержание полученных о данном лице сведений»), своими действиями они, безусловно, нарушали уголовно-правовые нормы: «прибыл из мест расположения неприятельских войск», «уличен в сигнализации неприятелю», «путем расспроса нижних чинов добывал сведения о русской армии и передавал их неприятелю» и др.

Поэтому главная причина незавершенности или «половинчатости» (в ходе расследований лишь единицы из задержанных были признаны преступниками, вина же большинства не была доказана) в работе наблюдательного отряда КРО штаба 12-й армии видится в отсутствии у них специальных теоретических познаний, выражаясь современным языком – в области оперативно-розыскной деятельности. Пытаясь противостоять германским агентам, проходившим курс обучения в разведшколах, филеры овладевали азами контрразведывательного мастерства, как мы полагаем, лишь путем проб и ошибок. И в то же время на этом поприще они проявляли высокую работоспособность, хладнокровие, а порой и жертвенность. Филерами, как точно заметили Ч. А. Рууд и С. А. Степанов, «были люди, твердо и мужественно выполняющие свой долг, всецело преданные императору» [5, с. 93].

И тем не менее, справедливости ради отметим, что, наряду с выделенными недостатками, в будничной работе филеров КРО штаба 12-й армии была и сильная сторона. Агенты использовали не только стандартную тактику розыска, заимствованную еще в мирное время у политической полиции (выполнение конкретных заданий или «нарядов»), но и инициативно выявляли потенциальных преступников в местах их наиболее вероятного появления. В этой связи поисковые мероприятия филеров в районах дислокации передовых русских частей и населенных пунктов прифронтовой полосы давали быстрый результат – задержание подозрительных лиц (гражданских или в форме военнослужащих русской армии), а также отдельных городских и сельских жителей, содействовавших

врагу. Так было в первом полугодии 1915 г. в пограничной с Германией Ломжинской губернии Варшавского генерал-губернаторства. Уместным будет и пример задержания контрразведкой штаба 12-й армии совместно с жандармами в ноябре 1915 г. на станции Шлок (Рижско-Орловская железная дорога) крестьян Ф. Я. и Ф. П. Пуценов, «явившихся наблюдать за пребывающими частями войск» [6, л. 86].

Данный документальный факт вряд ли бы привлек наше внимание, если б ни одно редкое обстоятельство. В методике изобличения ложных показаний задержанных был использован прием внутрикамерной разработки или «подсаживания», как он назывался в инструкции по работе с внутренней агентурой [7, с. 3–16]. «Во время содержания под стражей, Пуцены рассказали арестанту Газенгегеру... (курсив наш. – В. З.), что германские военные власти дважды посылали их под вымышленными именами в расположение русских войск, снабжая каждый раз деньгами» [6, л. 87]. Полученные оперативным путем признания и иные доказательства по результатам личного досмотра и опроса легли в основу расследования и последующего обвинительного приговора по закону военного времени. Фриц Павлов Пуцен был осужден на каторжные работы, а Фриц Янов Пуцен выслан в Иркутскую губернию под надзор полиции [6, л. 87].

В мае 1916 г. 10 человек от общего состава КРО 12-й армии были откомандированы в штабы 37-го и 43-го армейских корпусов (старшие агенты, помощник пружанского уездного исправника коллежский секретарь Кречунеско, бывший полицейский надзиратель московской сыскальной полиции В. И. Безгубов и младшие агенты) [1, л. 230]. И, несмотря на то, что главный участок «незримого фронта», которым являлась Рига, практически оголялся, приказ «сделать контрразведку более интенсивной и приблизить ее к боевой линии» был выполнен [1, л. 219]. Столь решительная мера объяснялась тем, что борьбой с германской агентурой в зоне ответственности названных армейских корпусов, по сути, никто не занимался – в штатном расписании полковых и дивизионных штабов должности контрразведчиков не предусматривались.

Прочным, а временами единственным барьером на пути забрасываемых немецких агентов были бдительные военнослужащие передовых частей русской армии, о чем убедительно говорит статистика – на участках 1, 5 и 10-й армии были задержаны десятки человек (см. таблицу). С началом фазы «окопного противостояния» не стали исключением и нижние чины 12-й армии. К примеру, ее сторожевыми охранениями и дозорными постами были арестованы жители оккупированной Курляндской губернии: черноработчий Мартин Гальвин (сентябрь 1915 г.) [8, л. 2], сторож либавского ремесленного училища Яков Петерсон (октябрь 1915 г.) [8, л. 140], Крист

Тилишкис (январь 1916 г.) [8, л. 267], ученик Либавского реального училища Альфред Шмеддинг (февраль 1916 г.) [8, л. 330–331, 351] и др. Кроме названных агентов, признавших себя виновными в измене Родине, судя по встретившимся нам документам под названием «Сведение на лицо, заподозренное в военном шпионстве», с января по сентябрь 1916 г. военнослужащими были задержаны еще шесть человек [8, л. 394; 5, л. 3, 91, 100, 173, 255]. Всех их объединяло отсутствие четких оснований для привлечения к уголовной ответственности: «расспрашивал нижних чинов о передвижении войск», «находился на передовых позициях, куда явился под предлогом продажи газет», «задержан в трехверстной полосе без установочного пропуска, шатающимся без определенных занятий» и т. д. Но так как арестанты не внушали уверенности в своей политической надежности, на основании ст. 23 «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» от 18 июня 1892 г. их высылали за пределы театра военных действий.

Последним и самым результативным инструментом борьбы с военным шпионажем у контрразведчиков армий Северо-Западного фронта, как видно из Сводки, считалась секретная агентура. И это не удивительно, так как в военном и политическом сыске она была «единственным, вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа» [7, с. 2]. Но, по сравнению с аналогичными показателями по выявленным шпионам в 5-й, и уж тем более, 10-й и 2-й армиях, достижения секретных сотрудников КРО штаба 12-й армии были одними из самых слабых (см. таблицу). Подчеркнем, что из пяти выявленных/задержанных лиц, дознания были проведены в отношении четырех (дальнейшая участь этих людей неизвестна). И только один из них ввиду наличия неоспоримых доказательств и благодаря профессионализму дознавателя оказался фигурантом уголовного дела.

Полагаем, что состав секретных сотрудников контрразведки 12-й армии по состоянию на 1 мая 1915 г. был малочисленным, неорганизованным и бесперспективным, так как возглавлявший их руководитель-агентурист – один из перечисленных в начале статьи полицейских – не обладал ни контрразведывательными знаниями, ни соответствующим организаторским опытом их реализации в условиях военного времени. Сам же начальник названного КРО подполковник Б. В. Фок, как жандармский офицер, имевший ясное представление о специфике работы с агентурой, не смог бы уделять возникшей проблеме пристальное внимание по причине своей высокой занятости. И последнее, нужно сказать о том, что спустя два года – летом 1917 г., положение дел в столь важном и деликатном вопросе,

как постановка секретных сотрудников, в лучшую сторону не поменялось. Новый заведующий агентурой разведотделения (КРО было его составной частью) штаба 12-й армии Отдельного корпуса жандармов ротмистр Троицкий называл доставшуюся ему от предшественника агентуру «...совершенно непригодной для такого пункта, как Рига, этого плацдарма германского шпионажа в России» [9, л. 1].

Таким образом, процесс организации борьбы со шпионской угрозой в районе 12-й армии имел недостаточно прочные основания. Ввиду ограниченности кадровых возможностей – малочисленности пригодных к филерской службе специалистов, мизерного и неэффективного состава секретных сотрудников (допускаем, что многих из обеих категорий мобилизовали на фронт), а также отсутствия образованных и опытных руководителей-агентуристов – КРО не сумело добиться сколько-нибудь квалифицированных и убедительных успехов, особенно в 1915 г. Помимо отмеченных причин, косвенным объяснением тому могли служить количественный уровень подготовки агентов во вражеских разведшколах (неисчерпаемым кадровым резервом становились дезертиры русской армии и часть ее военнопленных, завербованных противником), а также отсутствующие либо неглубокие агентурные позиции в них у русской контрразведки.

Наконец, нельзя недооценивать и возможную корреляцию между низкой результативностью деятельности контрразведки и недооценкой ее места и роли командованием 12-й армии ввиду активизации военных действий на Юго-Западном фронте. С началом Горлицкого прорыва (2 мая – 22 июня 1915 г.) и тяжелейшего отступления русских войск проблемы контрразведывательного обеспечения армии могли отодвинуться на второй план. Очевидным также выглядит тот факт, что большинство реальных шпионов, действовавших в расположении 12-й армии, задерживались случайно и не сотрудниками ее КРО, а сторожевыми постами военнослужащих, многие из которых со временем утрачивали свой боевой дух, теряя верность Присяге, Царю и Отечеству.

К лету 1917 г. процесс революционизирования передовых частей русских войск на театре военных действий, а по сути их морально-политического разложения и утраты боеспособности, приобрел катастрофический характер. Под удар была поставлена и безопасность 12-й армии. По сведениям разведчиков штаба армий Северного фронта от 9 августа 1917 г. № 6514-р, немцы «ежедневно приходят в русские окопы, зная, что против их участка находятся латыши /8 латышского полка/. С ними у них весьма успешно происходит “меновая торговля” и “почтовые операции”. За водку, папиросы и газеты латыши снабжают немцев в значительном количестве хлебом и сахаром, приносят с собой часто

письма для отправления своим родным в Курляндию» [10, л. 131]. Данное документальное свидетельство, бесспорно, бросает тень на ратные заслуги 8-го Веймарского стрелкового полка, нижние чины которого проявляли изменнические настроения – нежелание воевать и братание с неприятелем. Однако, памятуя о полиэтническом составе латышских полков (латыши, эстонцы, литовцы, русские и представители других национальностей [11, с. 120]), думаем, что в этих процессах были заняты все военнослужащие названной войсковой части.

В подобной «дружеской» обстановке вражеские агенты без особого труда и опаски за свою жизнь участвовали в дезорганизации переднего рубежа русской обороны и решали шпионские задачи в ее ближайшем и глубоком тылу. Судя по разведывательным донесениям, аккумулированным в Главном управлении Генерального штаба Российской империи по состоянию на 25 сентября 1917 г., германским агентам предлагалось «распространять среди населения и армии мысль о заключении сепаратного мира без аннексий и контрибуций посредством печати и денег, а также поощрять забастовки, мятежи, революцию...» [12, л. 70].

Контрразведка, как единственный специальный уполномоченный военный орган противодействия шпионажу, окончательно утрачивала свои и без того маломощные ресурсы. Ощущалась острая нехватка филерских кадров, а некоторые секретные сотрудники, подвергнутые преследованию, покидали службу. Контрразведка теряла поддержку в народе. Борьба со шпионажем практически остановилась.

Революционные события лета – осени 1917 г. в Российской империи, повлекшие окончательный крах органов государственной власти, ослабление и выведение из строя армии и флота, также предопределили и судьбу специальных служб. Для политических институтов советской власти царская контрразведка оставалась источником экзистенциальной угрозы, так как была олицетворением и орудием безопасности старого режима, ввиду чего исполнительный комитет солдатских депутатов арестовал весь личный состав КРО штаба 12-й армии [10, л. 232, 234].

Как сложилась дальнейшая судьба контрразведчиков, нам неизвестно, но очевидным и без-

условным представляется лишь одно – многие из них, несмотря на объективные и субъективные трудности военного времени, честно и самоотверженно выполняли свой профессиональный и офицерский долг.

Примечания

¹ С увеличением масштаба и напряженности военных действий, а также появлением новых стратегических направлений в начале августа 1915 г. Северо-Западный фронт (1, 2, 5, 10, 12-я и др. армии) был разделен на две части – Северный фронт (5-я, 12-я и др. армии) и Западный фронт (1, 2, 10-я и др. армии).

² Анонимные письма, сведения полицейских и жандармских чинов, записки губернатора и начальников жандармских управлений, показания допрашиваемых по делам о шпионаже лиц и др.

Список литературы

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2031 (Штаб Главнокомандующего армиями Северного фронта). Оп. 4. Д. 564.
2. Жилинский В. Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. М.: Типография Товарищества Рябушинских, 1918. 63 с.
3. РГВИА. Ф. 2019 (Штаб Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта). Оп. 1. Д. 812.
4. Зверев В. О. «В районе Несвижа употребить бомбы на Высочайшем смотре...». Разведшколы армий Тройственного союза на оккупированных территориях Европейской России (1915–1916 гг.) // Военно-исторический журнал. 2022. № 2. С. 28–33.
5. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. 432 с.
6. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 862.
7. Тайны политического сыска. Инструкция о работе с секретными сотрудниками / сост. З. И. Перегудова. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1992. 16 с.
8. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 491.
9. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 806.
10. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1397.
11. Копылов Н. А. Латышские стрелки в Первой мировой войне 1914–1918 гг.: формирование и социально-этнический состав // Великая война: Сто лет / под ред. М. Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка, 2014. С. 109–121.
12. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1349.

Поступила в редакцию 01.06.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 01.06.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025